

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Хосе Рауль и княгиня Ольга

Из воспоминаний Ольги Капабланки - Чагодаевой - Кларк.

Июнь 2015 г.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Ольга Капабланка(Чагодаева) затем Кларк – автор нескольких мемуарных произведений о своём муже Хосе Рауле Капабланке. Она написала статью под названием «Молодые годы Хосе Рауля Капабланки», напечатанную на стр. 20–37 третьего (и последнего) номера «Chessworld» (май – июнь, 1964). В основу этой богато иллюстрированной статьи легли ее «разговоры с мужем о шахматах и о приближающемся турнире в Сан Себастьяне (1911)». В другой статье, опубликованной в «Town and Country» (февраль, 1945, стр. 114–139), речь в основном идет о ноттингемском турнире 1936 года. Ольга Капабланка также стала автором предисловия к книге Х. Р. Капабланки «Chess Lectures» (Нью-Йорк, 1966; Лондон, 1967), а некоторые из ее материалов были включены в издание «José Raoul Capablanca Ein Schachmythos» (Дюссельдорф, 1989).

В 1980-х и в начале 1990-х годов мы с ней переписывались и созванивались, тогда же она написала четыре статьи для «Chess Notes». Первая статья, которую затем перепечатали другие журналы, была описанием экспромтной игры между Капабланкой и Тартаковым. Запись этой игры, сделанную Капой, она готова была продать за 10 тысяч долларов США. Однако желающих участвовать в торгах не нашлось. Вторая и третья статьи были посвящены её воспоминаниям о Париже конца тридцатых годов. В четвертой статье Ольга писала о своей свадьбе с Капабланкой в 1938 году. Вместе мы собирались работать над собранием её воспоминаний, но, к великому сожалению, нами было написано только 20 или 30 страниц, после чего работу пришлось прервать. В последней статье приводятся фрагменты из ранее не опубликованных материалов, дающих уникальную возможность поближе познакомиться с жизнью Капабланки.

В 1921 году, через восемь месяцев после победы на чемпионате мира, Капабланка женился на Глории Симони Бетанкур. У них родилось двое детей, но брак оказался неудачным. В конце весны 1934 года известный шахматист встретил русскую княгиню Ольгу Чагодаеву (урожденную Чубарову). Знакомство состоялось на вечеринке, организованной близкой подругой княгини Миртл Х. в её особняке на Риверсайд драйв в Нью-Йорке.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Далее уже следуют воспоминания Ольги Капабланки.

Все начали танцевать, кроме одного мужчины. Я заметила, что он пытался оказаться рядом со мной. Тихо, но отчетливо он произнес: «Когда-нибудь мы с вами поженимся».

Когда я засобиравлась домой, он подошел и сказал: «Пожалуйста, дайте мне ваш телефонный номер и позвольте вам позвонить. Меня зовут Капабланка». На следующее утро раздался телефонный звонок. Это был Капабланка: «Надеюсь, вы не забыли, что сегодня вечером вы ужинаете со мной?» Забыла я или нет — это было не важно. Он решительно заявил, что пошлет за мной в шесть. Ровно в шесть часов позвонил портье. Я спустилась вниз, Капабланка стоял у своей машины. Когда он снял шляпу, я с удивлением отметила, насколько он был красив. С того момента он начал названивать мне чуть ли не каждый день, и если я по какой-то причине не могла с ним встретиться, то он ужасно расстраивался. В ожидании моего возвращения домой он мог провести целую ночь на скамейке в Центральном парке напротив наших окон. Если я ругалась на него, как это иногда случалось, на его глазах выступали слезы, и я начинала чувствовать себя ужасно виноватой.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Отныне я называла его Капа и с улыбкой слушала, как он грозился выбить из меня «все эти светские штучки». Через несколько недель он получил приглашение [на сеанс одновременной игры на двух досках в Сан Хуане, Пуэрто-Рико, который состоялся в октябре 1934 года]. Его поведение перед отъездом не соответствовало присущей его натуре скрытности. Перед собравшимися вокруг него журналистами он сделал неожиданное заявление: «Вы всегда изводили меня вопросами о моей личной жизни. Сегодня у меня есть для вас очень важная новость. Можете написать об этом всюду, где пожелаете: Капабланка впервые в своей жизни влюбился!» Об этом мне рассказал кубинский консул, которого, кажется, звали Пабло Суэрес. Я была удивлена и несколько смущена. Однако теперь у меня не оставалось никаких сомнений. Я уже практически разделяла чувство Капабланки. Когда Капабланка вернулся в Нью-Йорк и поцеловал меня, я рассказала ему о своих переживаниях. Он ответил: «Это наша судьба. Я знал это с самого начала. Для тебя я снова завоюю свою корону. Годы напролет моя жизнь казалась лишенной смысла. Но теперь я снова стану самим собой и докажу, что я лучший шахматист в мире».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

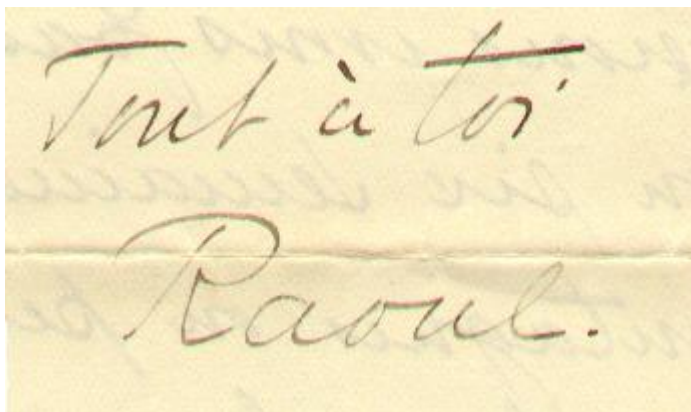
Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Интересно, что в письмах он подписывался «Рауль»:

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

В своих воспоминаниях Ольга Капабланка много места уделяла Европе в середине и в конце 1930-х годов. По ее словам, во время Московского турнира 1935 и 1936 годов Капабланка подружился с Николаем Крыленко. В те времена коммунисты помогали друг другу, и кубинец якобы общался со Сталиным, который наблюдал за проходящим турниром из-за кулис. Следующая цитата относится приблизительно к 1936 году: «Я впервые оказалась в Бельгии. Вскоре после нашего прибытия Капа должен был вручить верительные грамоты, как того требовал протокол. Официально он был назначен на должность торгового советника, однако его фактическое положение оказалось более высоким благодаря его известности. Когда Капа в сопровождении нашего министра прибыл в королевский дворец, король Бельгии [Леопольд III] находился в окружении очень важных господ. Когда же мажордом объявил имена двух кубинских дипломатов, король, находившийся в противоположной части огромного зала, прервал разговор на полуслове. «Капабланка!» – радостно повторил он, а затем, отбросив в сторону все предписания протокола, он как восторженный мальчишка бросился через весь зал, чтобы познакомиться с появившимися кубинцами. «Дорогой маэстро, – сказал он, хватая руку Капы, – я всю жизнь мечтал встретиться с Вами. Я читал о Ваших играх, а теперь Вы собственной персоной оказались здесь!» Об этом мне рассказывал министр. Капа, конечно же, ничего об этом не говорил.

Капабланка был весьма скрытным и гордым и не любил быть в центре внимания. Но в то же время он мог быть очень обаятельным и интересным человеком, когда к тому обязывало его дипломатическое. Лондонские газеты писали, что он одевается и выглядит лучше всех своих коллег. При этом следовавшая за ним популярность его нисколько не занимала. В его корзине для выброшенных бумаг я находила приглашения от индийских махараджей, письма из Мальборо-хауса и от некоторых знаменитостей того времени. Он, будучи всегда вежливым и внимательным, оставался тем не менее очень

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

закрытым человеком, всячески сторонился тех возможностей, которые дает человеку всемирная слава. Он проявлял характерные для европейского высшего общества манеры — всячески избегал публичности. Зачастую он даже не покупал газет с хорошими статьями о себе. Когда я это заметила, он только пожал плечами: «Если бы я собирал и хранил все газеты, которые любезно уделяют мне место на своих страницах, то мне пришлось бы купить целый дом, чтобы их хранить». Позднее я узнала, что он бережно хранил все мои письма и записки. В отношении меня у него действовали иные правила, о чем он несколько раз мне говорил. Пожалуй, самое приятное, что я могла услышать от него: «Ты — единственный человек, который не мешает мне быть наедине с собой». Общаясь с таким особенным человеком, как Капа, нужно было уметь вовремя замолчать. Иногда даже на несколько дней. А когда его настроение менялось, нужно было уметь найти тему для разговора, которая была бы для него интересной. Особый блеск в его зеленых глазах, редкий необычный блеск, который говорил о его внимании и заинтересованности — это была моя самая большая награда».

Ниже приведены воспоминания о двух эпизодах из жизни Ольги и Хосе Рауля Капабланки, относящихся к 1930-м годам. Первое — воспоминание о встрече супругов с герцогом и герцогиней Виндзорскими: «Мы с Капой были в Париже, когда [вскоре после отказа короля Эдварда VIII от престола] в новостях сообщалось об их возвращении, кажется, из имения Ротшильд в Австрии. Парижане сгорали от любопытства и были полны

энтузиазма. В конце-концов, это же был не их король. Отношение в Лондоне было совсем другим ввиду щекотливости ситуации. Я и сама припоминаю несколько пикантных историй, поскольку многие из наших британских знакомых входили в придворную свиту.

Американский посол в Париже Буллитт решил дать большой бал.

Практически все более-менее значимые люди были приглашены.

В Приглашении с золотой окантовкой было написано: **«Начало в десять часов».**

Как всегда пунктуальный Капа заставил меня собраться вовремя. Когда мы подъехали к посольству, колокола соседней старинной церкви мелодично отбили десять часов. Когда мы вошли через боковые двери, лакеи спешно заканчивали оформление цветочных ваз.

Почти одновременно с нами через те же боковые двери вошли еще двое гостей: увешанный наградами французский генерал, за которым вскоре последовала приятная пожилая дама, одетая в черное кружевное платье с несколькими нитями больших жемчужин. Они вызвали во мне некоторого рода восхищение: нужно обладать смелостью, чтобы на такое мероприятие надеть откровенно искусственный жемчуг. А еще мне понравились ее серебристо-белые натуральные волосы. Она тоже почувствовала расположение, и вскоре мы обнаружили, что у нас есть общие друзья в Нью-Йорке. Капа и пожилой генерал увлеченно разговаривали между собой, обсуждая наполеоновские войны.

Тем временем начала собираться элегантная публика. Я быстро заметила, что на нашу даму с жемчугами обращали чересчур много внимания. И вскоре я поняла, что ее жемчуг был настоящим. А сама она — госпожа МакЛ***, очень состоятельная и щедро награжденная французским правительством дама. Вскоре к нам подошел высокий, белокурый и слегка запыхавшийся советник Роберт Мерфи. «Господин и Госпожа Капабланка, не хотите ли вы пойти со мной на встречу с герцогом и герцогиней Виндзорскими? Они только что прибыли, господин Посол с ними». Я схватила Капу за рукав и сказала на французском, а потом и на английском, которым мы пользовались для официального общения: «Дорогой, давай встретимся с герцогом и герцогиней Виндзорскими!» Он не ответил. Я тщетно настаивала. Капа сделал неопределенный жест в сторону Мерфи, который был нашим хорошим другом, а затем резко повернулся в сторону генерала. Мы только услышали: «Ваграм... войска собрались на рассвете...». Я поднялась и подошла к Мерфи, который озадаченно чесал лоб. «Это безнадежно. Капе встретился другой бонапартист... Но я бы с радостью присоединился к вам».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Мы поспешили. Пока я следовала за Мерфи, моя новая знакомая, госпожа МакЛ***, уже была где-то в другом месте. Герцог и герцогиня Виндзорские принимали в зале рядом с большим холлом. Как бывший король постарел! – это первое, что бросилось мне в глаза. Невысокий, худой, с лицом, покрытым морщинами, он был похож на старого жокея. Но больше всего меня интересовала герцогиня. Можно ли было назвать ее красивой? Нет. Две немаленькие бородавки на лице, справа и слева, отнюдь не украшали ее. Ее шикарное платье было чересчур украшено белым мехом. Ее фигура была нескладной: плоская грудь и тяжелый низ. Хотя выглядела она вполне грациозно.

Известные американские дамы делали перед ней реверансы, но мне это показалось несколько излишним. Она не была членом королевской семьи. Когда очередь дошла до меня, я просто пожала ей руку, а Мерфи меня представил. Возможно, благодаря этому мне уделили несколько дополнительных минут. А затем я увидела ее глаза. Я поняла ее, когда увидела пронизательный расчетливый взгляд. Когда я делала свои комплименты, у меня сразу возникло ощущение скользкой великодушной змеи. «Что ж, дорогая моя, – сказала я про себя, улыбаясь, – вы вряд ли сможете стать чьим-либо другом». Затем Мерфи отвел меня к герцогу, который спросил меня своим высоким голосом: правда ли, что Капабланка никогда не тренируется. «Да, это так, сэр, – ответила я с небольшим поклоном, – он никогда не тренируется». Он, очевидно, хотел спросить что-то еще, но в зале собралось так много гостей, что Мерфи был вынужден сопроводить меня обратно к Капе.

Следующая история произошла с четой во время их пребывания в Бельгии: «Однажды мы с Капой поехали за город на одну ферму, где выращивали каплунов, которых всегда нужно было заказывать заблаговременно. Когда каплуна наконец доставили нам на квартиру, Капа пришел в восторг: «Птица великолепная! Я должен сам приготовить её!» Мы дали прислуге выходной, и Капа начал хозяйничать на кухне. Приготовления были тщательными. Гурман Капа был еще и замечательным кулинаром. Друзья шутили, что как шеф-повар он мог бы зарабатывать больше, чем как шахматист. Когда каплун уже был в печи, мы с Капой сидели в гостиной и разговаривали. Время от времени он поднимался и уходил на кухню, чтобы проконтролировать процесс приготовления и сбрызнуть каплуна отличным бренди.

Зазвонил телефон. Один из наших знакомых звонил, чтобы рассказать о фуроре, который мы произвели на одной дипломатической вечеринке за день до этого. Он особенно подробно говорил о комплиментах, которые были

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

адресованы мне. Капа помрачнел. «Эти комплименты были чересчур преувеличены и неуместны», – сказал он после того, как повесил трубку. Затем он неожиданно обвинил меня в том, что я привлекаю излишнее внимание. Он вспомнил, как я смотрела на одного мужчину, сидевшего по другую сторону зала, – это был посол какой-то небольшой страны. Я негодовала: из-за близорукости я даже не видела лица этого господина. Я горячо возражала против несправедливой критики, а Капа в ответ разразился гневной тирадой о поведении настоящей леди, которому я, по его мнению, не соответствовала.

Я с достоинством села и замолчала, а он продолжать ходить по комнате. Какие-то шипящие звуки, доносившиеся с кухни, становились все сильнее. Я была уверена, что это каплун посылал из кухни сигнал «SOS», но ничего не говорила. Когда шипение стало громким, Капа на секунду замолчал, а потом бросился в кухню. Он с грохотом открыл печь, и наступила тишина. Я на цыпочках вошла в кухню. Он стоял перед раскрытой печью и смотрел на черную тушку: каплун сгорел дотла. Мы переглянулись, а потом засмеялись, опустившись на пол перед печью. Мы смеялись и целовали друг друга, и Капа пообещал отвезти меня в самый лучший ресторан Брюсселя».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Ольга Капабланка вспоминала также о паэлье на обед в компании с гитаристом Андресом Сеговией и пианистом Хосе Итурби в Лондоне в 1937 году. Вспоминала она и такой случай: «Думаю, Капа мог бы стать хорошим музыкантом, если бы он учился играть на скрипке. Неслучайно среди его друзей было много известных музыкантов. О хорошем слухе Капы свидетельствует следующий случай. Мы были в Париже и останавливались в гостинице «Мажестик», которая принадлежала одному из верных поклонников Капабланки, мсье Тоберу. Однажды утром, когда мы пили кофе в нашем номере, этажом выше кто-то взял несколько аккордов на фортепиано.

«Какая досада! Прямо над нами пианист!» – воскликнула я.

«Великий музыкант», – ответил Капа.

«Как ты это понял? Он ведь сыграл всего несколько нот».

«Я понял это по тому, как он их сыграл».

Я вспомнила об этом, только когда мы спустились вниз. Проходя мимо администраторской стойки, я несколько капризно спросила: «Человек, поселившийся над нашим номером, он что — профессиональный пианист?»

«Да, мадам, – ответил мне с улыбкой администратор, – и, кстати, он ваш соотечественник».

«Кто же он?»

«Мсье Рахманинов, мадам».

Пришлось сказать Капе: «Ты был абсолютно прав».

К нам на обед часто приходил еще один известный музыкант. Я хорошо помню, как портье почти каждый вечер сообщал нам: «Господин Прокофьев ждет...».

К счастью, в скором времени мы должны были уезжать. Мне не нравилось общество господина Прокофьева. В то время я бы сказала, что он был самым настоящим занудой. Меня он, кажется, тоже не любил, потому что я в некотором роде была представителем старой России, которую он официально ненавидел. Пару раз мы с ним вступали в спор. Я могу сравнить его с Алехиным: у него такой же оттенок недоброжелательности на бесцветном лице.

Музыкальные вкусы Капы были более консервативными, нежели мои. Его любимым композитором был Бах, за ним следовали Моцарт и Бетховен. А я предпочитала современных композиторов: Шопен, Рахманинов, Григ, Дебюсси и т.д. Мы оба обожали симфонические оркестры. Я с безразличием относилась к камерной музыке, а Капа наоборот считал, что струнный квартет — это вершина музыкальной экспрессии. Ни я, ни он не были поклонниками джаза.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Капа никогда не танцевал. Мне кажется, что это было как-то связано со сдержанностью его натуры, его склонностью к уединению и изоляции. Он признавался, что не хочет видеть меня танцующей, потому что в танце между людьми всегда присутствует некоторая доля фамиллярности. С тех пор я больше не танцевала, хотя до этого могла танцевать всю ночь напролет. Как всегда, я старалась не делать ничего, что могло раздосадовать или рассердить его. Те, кому Капа был небезразличен, понимали, что с ним нужно вести себя крайне деликатно. Не только потому, что он этого всецело заслуживал, но и потому, что высокое артериальное давление вкупе с волнением крайне неблагоприятно сказывалось на его и без того чувствительной натуре. Я, правда, так до конца и не понимала степень его ранимости, но всегда чувствовала, что его нужно оберегать от любых раздражителей.

К сожалению, события внешнего мира не были подвластны моему контролю. Некоторые негативные события, которые происходили с ним в последние месяцы жизни, приблизили его кончину. Он сам говорил об этом, и, судя по письмам обоих его лечащих врачей ко мне, они придерживались того же мнения.

Он не был религиозен. Официально он не верил в Бога. Но, на самом деле, он был верующим. Моральная и физическая чистота были одними из его самых ярких отличительных черт. Безупречный, почти возвышенный в своих личных привычках, Капа никогда не использовал грубых слов и никогда не любил скабрёзных историй. Даже сплетни, каково бы ни было их содержание, были ему неприятны. Капа всегда был ухожен и хорошо одет, о чем часто упоминали британские газеты. Возможно, это было связано с тем, что у него был выдержанный стиль, а также с тем, что одежду для него всегда шили в одной и той же мастерской Savile Row. В его распоряжении, однако, были только самые необходимые, положенные по статусу костюмы — все отлично сшитые из превосходных материалов. Сам он говорил, что никогда не купит ерунды. Он очень аккуратно носил свои вещи, каким-то волшебным образом они не мялись и не пачкались, и одежда служила ему годами. Кроме того, у него была хорошая фигура. Он держался прямо, великолепно держал голову, все движения были пропорциональны и выдавали человека, привычного к появлению на публике. Он был из тех, на ком одежда смотрится еще лучше. Свою шляпу он менял только когда она совсем изнашивалась и никогда не носил ее под углом, опустив поля. «Я не хочу быть похожим на жиголо», — отвечал он на мои попытки переубедить его. Единственной слабостью Капы были галстуки. Он очень долго их выбирал. Галстуки Капы всегда были консервативны, очень красивы

Он божественно готовил. Он очень быстро и аккуратно делал свёртки, словно был работником в кондитерской лавке. Смотреть на него во время подготовки к поездкам было одно удовольствие. Его почерк был каллиграфическим, даже на небольших записочках, которые он делал в спешке. Капа хорошо играл в бильярд. Один эксперт говорил, что если бы он посвящал игре больше времени, он мог бы стать чемпионом. То же самое сказал о нём один из лучших теннисистов континента. Капа мог бы стать профессиональным гребцом и был отличным водителем. У него была мгновенная реакция, что было очень важно при вождении — он ведь любил быструю езду. Я слышала, что в студенческие годы, когда он учился в Университете Коламбия, он был многообещающим бейсболистом, которого пытались заполучить команды Большой Лиги.

Ниже— упомянутое ранее письмо, посвященное игре Капабланки с Тартаковым (1383):
«28 апреля 1987

Дорогие шахматные друзья!

Среди множества игр, сыгранных моим покойным мужем Хосе Раулем Капабланкой, есть одна игра, о которой никогда ничего не писали и которую видели только три человека: Капабланка, Тартаков и я.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

За все годы, что я знала Капу, он никогда не играл дома и не тренировался. У него дома не было даже шахматной доски! Он очень отличался от других мировых мастеров шахматной игры.

Этот случай был особый. Это случилось в Париже. Кажется, в 1938 году. Мы остановились в гостинице «Регина», на площади Жанны д'Арк, совсем рядом с Лувром. Я вынужденно лежала в постели, сраженная очередной сильной простудой, когда нас пришел навестить один приятель, Савелий Тартаковер. Он посидел у нас какое-то время, а потом неожиданно предложил Капе: «У меня с собой есть шахматная доска. Почему бы нам не сыграть?» К моему большому изумлению Капа улыбнулся: «Почему бы и не сыграть? У нас такая хорошая компания». Он взял гостиничную бумагу, пододвинул маленький столик поближе к моей постели и два мастера сели за игру. Я не могу точно сказать, как долго они играли, потому что время от времени я засыпала. Я помню, как Капа разбудил меня, нежно дотронувшись до моего плеча, и протянул мне несколько листков гостиничной бумаги, на которых он записал игру с Тартаковером. Естественно, он выиграл. «Вот тебе подарок, chérie». Я осторожно взяла сложенные листки. «Ты же знаешь, я ничего не понимаю в шахматах». Они с Тартаковером добродушно рассмеялись. «Возьми их и спрячь. Когда-нибудь они помогут тебе купить какое-нибудь красивое украшение, – сказал он. – Все мои игры были записаны. А это будет единственная шахматная партия, которая принадлежит только тебе».

Все желающие купить «драгоценность Капабланки», как он сам ее называл, должны как можно скорее написать господину Эдварду Винтеру. Сделать это нужно до 30 сентября. Я дала свое разрешение на получение им от моего имени заявок. Ввиду исключительного характера этой игры и связанных с ней обстоятельств, предложения ниже 10 тысяч долларов США рассматриваться не будут.

С наилучшими пожеланиями всем шахматистам во всех странах.

(Подпись)

Ольга Капабланка Кларк».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Несмотря на то, что Капабланка прекрасно чувствовал себя в высшем обществе, Ольга Капабланка также подчеркивала, что он прекрасно ладил и с «простыми людьми»: «Мистер Флигельман, которого мы называли Флигу, был, пожалуй, самым близким другом Капы, и он его очень любил, потому что он был очень предан Капе. Флигу был типичным евреем из России. Он был скорее некрасивым, но не лишенным шарма человеком, так что не любить его было невозможно.

Капа рассказывал мне, что если кто-то из детей получал синяки или порезы, то он всегда бежал к нему и беспрекословно позволял обрабатывать рану йодом. «Они доверяли мне. Это было для их же блага, хоть и жгло немного». Он верил, что когда надо — нужно принять лекарство. Все, кто его знали, быстро начинали ему подсознательно доверять. Он просто не умел лгать.

Взыскательный, привередливый, осторожный — так можно было охарактеризовать Капу. Но он частенько проявлял необычную заботу в тех ситуациях, когда иной человек взорвался бы. Я помню, как сама была готова вспыхнуть, когда гостиничный слуга по неосторожности разбил мой флакончик с дорогими духами. Капа одёрнул меня прежде, чем я что-либо успела сказать: «Разве ты не видишь, *chérie*, что он ужасно расстроен?» Мы отправили молодого человека и дали ему дополнительные чаевые. Он,

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

конечно, не выглядел расстроенным. Ну а я, естественно, получила ещё один флакон с такими же духами.

Капа знал, что сказать коридорным, чтобы они были любезны. Он знал, что сказать гостиничной прислуге или стюардам, чтобы обслуживание и размещение было на высшем уровне. Он не давал прислуге большие чаевые и не позволял фамильярничать, и всё же каждый из них пытался завоевать его расположение. Вокруг него витал необъяснимый ореол превосходства, который отличал его от окружающих. Его присутствие не оставалось незамеченным. Даже на больших приёмах он оказывался в центре всеобщего внимания».

Есть также упоминания о том, что влияние Капабланки не ограничивалось отношениями с людьми. Однажды он купил Ольге кота, которого назвали Качушко: «Одно удовольствие смотреть, как Капа играл со зверьком. Они прекрасно понимали друг друга, оба были грациозны и быстры. Без видимых усилий Капа учил кота приносить ему бумажные шарики, которые он бросал. Качушко мог без усталости приносить мяч. Он задирает вверх хвост и тихонько мяукал и просил поиграть с ним ещё. «Я уже устал», – говорил Капа и снова кидал шарик. Очень быстро Качушко научился вставать на задние лапы и изображать маленького солдатика, а также подавать лапу. Капа говорил, что это «самый умный кот, которого я когда-либо видел». Он, безусловно, обладал талантами дрессировщика». Капабланка много времени уделял книгам: «Его любимым времяпрепровождением, за исключением обожаемых им детективных историй, было чтение исторических и философских эссе. Он мог часами читать книги по военной стратегии. Капабланку всегда интересовали истории о моём российском прошлом. Он особенно любил истории, связанные с моим великим grand-пapa, генералиссимусом графом Евдокимовым, который завоёвывал Кавказ и победил одного исламского правителя по имени Шамиль, который был кем-то вроде Хомейни.

Со времён Ивана Грозного мои предки были военными. Капа всегда с большим интересом слушал эти истории, и каждый раз просил меня рассказать ещё. Капа многократно упоминал, что его отец был человеком невероятной гордости и вспыльчивого нрава. С ним было очень сложно поладить, он был как пороховая бочка. Капа был сыном и внуком испанских офицеров, и военное прошлое моей семьи стало ключом к благополучию наших отношений. Мы оба принадлежали к одной касте, что давало нам ощущение похожести друг на друга, которое затем переросло в любовь». А вот воспоминания о шахматах, которые принесли Капабланке всемирную славу: «Не думаю, что он любил шахматы. Иногда он почти с обидой

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

говорил, что если бы шахматы не держали его так крепко, он занялся бы музыкой или медициной. Он был настолько многосторонним человеком, что, я думаю, стал бы лучшим в любой избранной им сфере деятельности».

У Капабланки, вопреки его здоровой кубинской наружности, было слабое здоровье: «Благодаря наставлениям доктора Гимеза мы уже знали, что Капа должен быть осторожным, употребляя некоторые виды продуктов. Но самое главное — он должен был избегать проявлений гнева и раздражительности. Врачи не рекомендовали алкоголь, но Капа и так лишь изредка пил вино. Большую опасность представляли негативные переживания. В свое время он сильно расстраивался из-за своего развода. Тогда на него обрушивались необоснованные требования и несправедливое поведение. Главной тучей, омрачавшей наш небосвод, было семейное состояние Капабланки. Он не скрывал этого. Вскоре после нашего знакомства он упомянул о предыдущем браке. Этот брак *de facto* разрушился за несколько лет до этого. С предыдущей женой они не сошлись характерами. Кроме того, Капа всегда много путешествовал. Женщины обожали и преследовали его, поэтому естественно, что у Капы было много легких увлечений, но никогда ничего серьезного. В жизни его жены также был другой мужчина. У них было двое несовершеннолетних детей, о которых он, естественно, очень заботился. Поначалу он даже и не думал о разводе, поскольку не имел намерения когда-нибудь снова жениться. Но после нашей встречи его мнение резко изменилось. Он пересмотрел свои взгляды на жизнь. Впервые в жизни он переживал чувство, которого прежде

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

не знал, и это очень сильно на него повлияло. Кроме того, всё происходило после нескольких трудных лет, которые последовали за его разгромом в Буэнос-Айресе. Он ведь с тех пор не жил полной жизнью, а теперь на волне новых эмоций почувствовал, что сможет восстановиться и вернуться к большому шахматам. Его глаза блестели, и он говорил мне: «Для тебя я снова завоюю свою корону».

Примерно в это же время он поговорил со своей женой. Прямодушный и открытый Капа сказал правду о своём намерении жениться на мне и попросил дать ему развод, предлагая самые щедрые условия, на которые мог пойти. Будучи джентльменом, он никак не ожидал, что его откровенность вызовет совершенно противоположную реакцию. Сама мысль о том, что он настолько влюблен, что хочет снова жениться, привела ее в ярость. Капа был в шоке. Но он надеялся, что со временем она всё поймёт и даст развод, тем более что в соответствии с кубинскими законами он мог привлечь внимание к некоторым обстоятельствам. Я сказала, что нам лучше просто подождать. Мы оба понимали, что в связи с его набирающим обороты шахматным успехом со временем он будет вынужден путешествовать чаще, а путешествия означают расставания. Для нас было важно, чтобы я могла приезжать в Европу к нему при каждой возможности. Он бы представлял меня как свою futura, то есть как свою невесту и будущую жену».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

40234

APPLICATION FOR MARRIAGE LICENSE

I, the undersigned, do hereby make application for Marriage License for the following named parties:

Joseph Capablanca and *Alga Chagodaef*
(Name of Groom) (Name of Bride)

Residence of Groom *118 St 57th St* Age *49* Color *White* Nativity *Cuba*
(Street Address) (City and State) (State or Country)

New York NY
(City and State)

Occupation *Diplomat* and who is *Divorced, 1938 at*
Harada Cuba Defendant
(State here whether single, widower or divorced as the case may be)

Residence of Bride *118 St 57th St* Age *37* Color *White* Nativity *Russia*
(Street Address) (City and State) (State or Country)

New York NY
(City and State)

Occupation *None* and who is *Divorced, 1933 in New*
York, NY Plaintiff
(State here whether single, widow or divorced as the case may be)

Name of Person consenting if Groom is a Minor
(Parent or Guardian)

Name of Person consenting if Bride is a Minor
(Parent or Guardian)

Witness *Joseph R Capablanca* APPLICANT

Witness *Alga Chagodaef* APPLICANT

The above parties are Not related.

Subscribed and sworn before me this *20th* day of *Oct*, A. D. 1938

Harold E. Quick
Clerk of the Circuit Court for Cecil County.

MINISTER'S CERTIFICATE

I HEREBY CERTIFY, that on this *20* day of *Oct*, Nineteen hundred and thirty-eight
the above named persons were by me united in marriage at *ELKTON, MD.*

in accordance with the License issued by the Clerk of the Circuit Court.

Signature *C. M. Ope*

Official Capacity *Baptist Minister* Address *md. ELKTON, MD.*

Они поженились в США 20 октября 1938 года. Ниже приводится статья Ольги Капабланки, написанная для Chess Notes в 1988 (C.N. 1541):

Это произошло в день нашей свадьбы. Мы с Капой, только что обручившиеся молодожены, стояли, взявшись за руки, перед толпой друзей, доброжелателей и представителей прессы. Фотографы щелкали затворами. На нас лились традиционные поздравления. «Какая красивая пара! Безмятежно счастливые – как давно они знают друг друга? Она ведь давно приехала из России? – Пожалуйста, посмотрите сюда...» Им, конечно, было невдомёк, через какую бездну испытаний нам пришлось пройти, прежде чем дожить до этого дня. Это был очень трудный день, тем более что на следующее утро мы отправлялись в Европу, где Капу с нетерпением ждали на открытии АВРО-турнира в Амстердаме. И всё же нам удалось выкроить несколько минут только для себя. «Нужно было от всех отделаться», – сказал Капа, когда мы прогуливались по залитым солнцем улицам. Интересно, что, несмотря на годы, мои воспоминания о том дне остаются ясными и целостными, как будто их запаковали в целлофан для того, чтобы сохранить со всеми деталями. Капа неожиданно остановился у магазина драгоценностей. «Давай зайдем!» – он увидел немой вопрос в моих глазах и только улыбнулся в ответ. При входе в магазин нас оживленно приветствовал его владелец, известный коллекционер русского антиквариата. Они с Капой подружились в Москве. Определенно, нас тут ждали. «Ага! Величайший шахматист мира, примите мои поздравления! – он обнял Капу, затем расцеловал меня, – Я не только большой поклонник Капабланки, я ещё и люблю его. Мой дорогой друг, я всё сделал, как и обещал, – он подмигнул Капе, – Ваша невеста очаровательна, как все и говорят...» По его знаку принесли украшенную шкатулку и открыли передо мной. В ней, мягко переливаясь на черном бархате, лежало самое красивое украшение, которое я когда-либо видела. Это была большая брошь с огромными, размером с ноготь, бриллиантами и с жемчужинами размером с зелёные изумруды. «Это достойно княгини!» – сказал кто-то в нашей компании. «Это достойно красивой княгини!» – сказал ювелир, друг Капы. «Прими это, *chérie*, – сказал Капа, – это мой тебе свадебный подарок». Лишившись дара речи, я видела, как он вложил в мою руку эту прекрасную драгоценность размером с мою ладонь, как она блестела в моей руке. «Я лично выбирал для великого Капабланки, который высказал свое одобрение. Все для моего друга!» – повторял владелец магазина. Мне казалось, что его слова звучали где-то далеко. «Ты побледнела, *chérie*, с тобой всё в порядке? – Капа обеспокоенно трогал меня за плечо, – ты не устала?» «Я в порядке», – услышала я свой голос, звучащий в моих ушах сквозь какой-то шум, напоминавший морской

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

прибой или завывания ветра. Такой печальный звук... Был ли это ветер? Я потрясла головой и положила украшение назад в коробочку. «Она поражена!» – довольно сказал друг Капы. Я вдруг вернулась из своего забытья назад в реальный мир. Мой муж преподнёс мне самое прекрасное украшение на свете, божественное украшение... И я не могла его принять. Просто не могла и всё. Не было смысла это обсуждать. Моей основной заботой в тот момент было не обидеть его чувств. «Думай быстро! Действуй ярко!» – приказала я сама себе. «Mon amour, – сказала я, вплотную подходя к Капе и глядя в его серо-зелёные глаза, – у меня есть другая идея для свадебного подарка. Это же наша свадьба. И подарок должен быть нашим, чем-то таким, чем мы оба сможем наслаждаться. Я подумывала о новой машине. "Пакард" – прекрасный автомобиль. И если задуматься, машина будет дешевле, чем это украшение. Оно слишком красивое, для особых случаев. А раз мы так много путешествуем, его нужно будет постоянно держать в сейфах — в гостиницах, на кораблях, в дипломатических миссиях. Это же постоянная головная боль! А на новой машине мы могли бы пересечь всю Францию! Мы могли бы поехать по северному берегу реки Луары и посмотреть замки. Ты же хотел на них посмотреть...» – я говорила быстро, страстно, осознавая, что я нажимаю на нужные места. Я нежно поцеловала его, затем повернулась к нашему другу-ювелиру: «Никто не должен приносить жертвы в день нашей свадьбы. Я понимаю, что вы готовы потерять на этой сделке деньги. Но даже Капа не в том положении, чтобы покупать эту драгоценность. Да, даже за низкую цену, назначенную другим!» Так все и произошло. Я сама себя отговорила от этого подарка, от этой драгоценности.

В конце концов, всё закончилось хорошо. Новый «Плакард» заставлял прохожих оборачиваться нам вслед, пока мы колесили по la belle France. И мы посмотрели замки долины Луары. Это было наше лучшее путешествие. Когда пришло время возвращаться в Аргентину, Капа решил оставить машину в кубинской миссии в Париже.

Вскоре объявили о начале войны. В Париже началась паника, эвакуация... Так мы больше и не увидели нашу машину. И судьба драгоценностей, от которых я отказалась тогда, мне тоже не известна. Такое было красивое украшение! Позже я рассказала в Нью-Йорке эту историю моей сестре. Она внимательно выслушала меня и после короткого молчания ласково сказала: «Наверное, в целом мире больше никто не поступил бы так же!» «Так и есть, – сказала она, – И это совсем не комплимент».

Через три недели после свадьбы Капабланки начался АВРО-турнир.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

«Об АВРО-турнире у меня сохранились не самые радужные воспоминания. Действительно, мы прибыли в Голландию почти сразу после свадьбы с приятным осознанием того, что наша самая заветная мечта, наконец, сбылась. И все же где-то в глубине души таилось чувство сожаления: мы опоздали к открытию турнира на целый день».

Капа (так его называли в шахматном мире) прилетел из Гаваны в Нью-Йорк со значительным опозданием. Несколько дней я провела в беспокойстве, потому что, зная его педантичность во всем, понимала, как это на него повлияет. Я не рискнула задавать какие-либо вопросы, но Капа обмолвился, что у него были неприятности из-за команд кубинских шахматистов, а также семейные трудности, несомненно, связанные с недавним разводом. Должно быть, эти неприятности были достаточно серьезными, раз он даже опоздал на нашу свадьбу. Вместо того чтобы устроить официальную пышную церемонию, мы решили пожениться в городе Элктон, штат Мэриленд, дабы избежать некоторых формальностей. Журналисты назвали это бегством. На следующий день мы должны были отправиться в путешествие по Европе, которое также пришлось отложить на один день.

Возможно, у меня уже тогда появилось дурное предчувствие надвигающейся беды, но я и понятия не имела, насколько хрупким может оказаться состояние здоровья Капы и насколько опасным может быть его высокое давление. Намного позже, когда мы были уже в Париже, лечащий врач Капы Доминго Гомес сказал, что Капе вообще не следовало участвовать в том АВРО-турнире.

Под конец своей второй игры с Ботвинником Капа неожиданно встал и быстро вышел из зала. Когда он вернулся, я заметила, что его лицо приобрело мертвенно-бледный оттенок, но, несмотря на это, он довел игру до конца. Капа любезно сдался Ботвиннику и с улыбкой пожал ему руку. Потом он рассказывал мне, что у него потемнело в глазах, и он выбежал из зала, чтобы смочить лицо холодной водой. Как обычно, он ничего не объяснял, а только сказал: «Ботвинник играл хорошо, а я – нет». Только я знала, как плохо он себя чувствовал на АВРО-турнире».

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Ниже приводится несколько сокращенная версия статьи, которую Ольга Капабланка прислала в журнал Chess Notes в 1987 г. «Капа редко улыбался. Но когда я думаю о нем, первое, что вспоминается, – его улыбка. Она, подчеркивая всю его привлекательность, освещала его лицо, как освещает сосуд из тонкого фарфора находящийся внутри огонь. Всего лишь на долю секунды эта улыбка позволяла увидеть самое сокровенное – то, что он предпочитал не выставлять напоказ, – удивительную отзывчивость сердца, что было одним из выдающихся его качеств. Чьи-то неудачи сразу же вызывали в нем сострадание и готовность помочь. Зачастую он был не прочь сделать все, что только от него зависит. Для него не имело никакого значения, кому из беженцев он помогает. От других я узнала, что благодаря его дипломатическим связям многие евреи смогли получить визы и уехать в страны свободного мира.

Особенно мне запомнился один беженец из России, в прошлом – важный генерал Российской Императорской армии. Когда мы познакомились, он уже был стар, немощен и жил в Париже на скромную комиссию: я покупала через него парфюмерные изделия. Вот как Капа встретился с ним в один из суматошных дней прямо перед нашим отъездом из Европы. Меня удивило то, что последовало за этой встречей: Капа нашел время, чтобы отвезти этого генерала в больницу на другом конце

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

города, договориться о целом ряде процедур, заплатить за эти процедуры и за все необходимые лекарства. В довершение всего Капа пригласил его на ужин, что, как мне кажется, стало для пожилого человека самым радостным событием за многие годы.

Пожинать с Капабланкой было не так уж просто. От многих приглашений, как правило, он отказывался. Однако в тот вечер Капа пригласил старого генерала на ужин. К моему великому сожалению, Капа отказался от приглашения посетить бал, организованный в великолепном замке Шантийи. Вместо этого мы ужинали в нашем отеле, обсуждая различные аспекты военных стратегий. У меня просто не хватило духу показать своё недовольство. Обычно Капа воздерживался от посещения светских приемов, за исключением самых важных из официальных, и иногда, к моему удивлению, сопровождал меня в какой-нибудь скромный дом ссыльных соотечественников. Он предпочитал общество людей, которые были интересны ему лично, вне зависимости от их положения в мире. Стоит, однако, отметить, что многие из них уже проявляли себя в какой-то сфере. Каким бы нетерпеливым и избалованным ни был Капа, для детей и пожилых людей он делал исключения. Вскоре после нашей первой встречи он спросил меня: «Не желает ли твоя мама пойти с нами в зоопарк?»

«Уверена, что желает, только едва ли она на это рассчитывает».

«Сегодня прекрасная погода, – сказал Капа, – и мне кажется, ее не так-то часто приглашают в зоопарк». Действительно, не часто. Тот день мы провели так, как хотела она. Капа подстраивал свои огромные быстрые шаги под ее маленькие медленные шажочки. Мы сидели на всех скамейках, на которых ей хотелось посидеть. Капабланка объяснял ей все, что она хотела знать. А он мог многое рассказать, учитывая его безграничную любовь к животным, особенно к диким! Его любимцами были тигры и львы: он всегда покупал книги о джунглях. В этом случае, как и во многих других, наши вкусы совпадали. Сколько часов мы провели перед клетками этих животных в зоопарках самых разных стран!

Сколько всего можно рассказать. Особенно ярко я помню один день: 14 июля в Париже. Это всегда большое событие, но в тот год праздник был исключительно важным. Германия и Франция подписали пакт о ненападении. Все ликовали. Был организован великолепный парад, который потом называли «Последним парадом Франции». У нас с Капой были билеты на президентскую трибуну, но нас задержали на утреннем приеме. Когда же мы стали продвигаться к Елисейским Полям, мы поняли, что все прилегающие улицы настолько переполнены людьми, что нам придется припарковаться за несколько кварталов. И вот тогда мы столкнулись с

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

проблемой: как добраться до трибуны? Люди толпились как селетки в бочке. Меня всегда пугала толпа, но это – худшее, что я когда-либо видела. Я поняла, что если толпа американцев, как правило, ведет себя цивилизованно, то представители «самой галантной нации в мире», объединившись в толпу, ведут себя на удивление грубо и низко. Это был настоящий шок! «Грязные иностранцы!» – вот самое безобидное из того, что мы услышали. Никто и пошевеливаться не мог. Никто не обращал ни малейшего внимания на наши билеты, которые Капа пытался показать, даже полицейский, который, как и все остальные, отнюдь не отличался вежливостью, сказал: «Плевать мне на ваши билеты!» Я схватила Капу за рукав. «Давай уйдем отсюда, давай даже пробовать не станем. Подумаешь, пропустим парад». Но именно в тот момент Капа потерял терпение. Он засунул билеты обратно в карман. «Расступись!» – прокричал он. До сих пор не понимаю, как ему это удалось, но толпа расступилась ровно настолько, чтобы мы смогли пройти. Сейчас с ужасом вспоминаю те злые лица, шипение, которое раздавалось вокруг нас, пока мы продвигались вперед. Когда мы наконец дошли до скамеек на нашей трибуне, я, задыхаясь, упала на сиденье. «Что с тобой, chérie?» «Я боялась, что в любую секунду нас разорвут в клочья».

Капа только пожал плечами и сказал: «Когда ты со мной, бояться не стоит».

В тот же самый вечер нас пригласили на бал в Елисейский дворец, который устраивал президент Франции в честь подписания пакта о ненападении. Пока мы с Капой стояли в группе приглашенных самим президентом, нам представили господина фон Риббентропа. Он был настроен благосклонно, весь увешан наградами. На его бледном, суровом, но привлекательном лице играла вежливая улыбка. Помню, я внезапно почувствовала грусть. Я думала: «Все это кажется спектаклем... игрой детей... но опасной. Что из этого действительно серьезно?» Я повернулась к Капе, который стоял в нескольких шагах от меня. «В чем смысл этого пакта?» – спросила я. На мгновение он прищурил серо-зеленые глаза, вглядываясь вдаль. «Значение пакта обычно проясняется в день его нарушения», – ответил он и подвел меня к столику с шампанским... У Капабланки было две увлекательные карьеры: одна – шахматиста, известного на весь мир, другая – дипломата, невероятно популярного в обоих полушариях. В связи с этим требовалось постоянное передвижение, и когда мы путешествовали, нам предоставляли апартаменты класса люкс. Действительно, можно было бы легко привыкнуть к лимузинам с личным водителем, посольствам, VIP-номерам, великолепным кораблям и роскошным отелям – ко всем этим проявлениям дани уважения славе Капы.

Что же касается второй карьеры – дипломатической, вскоре я начала понимать разные ее аспекты. У очаровательных людей в красивых салонах были, помимо изменяющихся политических настроений, и свои проблемы. Зарплата у них была довольно скромной, особенно у представителей малых государств. В посольствах все постоянно старались сохранить иллюзию благополучия. Неудивительно, что, как правило, дипломатов отбирали из состоятельного класса. Карьерных дипломатов было достаточно мало, их назначали благодаря каким-нибудь выдающимся способностям. Капа как раз принадлежал к группе последних: о богатстве и речи быть не могло, зато он выполнял многочисленные обязательства у себя на родине. Карьеру шахматиста вряд ли можно отнести к числу прибыльных. Турниры и матчи хоть и привлекали внимание всего мира, но не приносили больших денег, т.к. вход на них был бесплатным. Мастера, которым оплачивали командировочные расходы, тем не менее, не получали никаких денег за участие и могли надеяться только на то, что им удастся завоевать приз. Довольно скоро я поняла, что Капа, по природе очень щедрый человек, настоящий джентльмен, который отличался изысканностью вкуса и манер, был вынужден подавлять свои порывы и пристально следить за расходами. Мои скромные накопления очень скоро были истрачены. Мне приходилось жить на небольшое жалованье. Но я никогда не просила Капу дать мне денег, ведь это лишь добавило бы ему неприятностей. А я его любила. В то же самое время я знала, как он гордится тем, что я хорошо выгляжу, хорошо одеваюсь. Иногда он говорил обо мне: «Она – единственная женщина, на которой любая вещь будет смотреться хорошо». Конечно, это было неправдой. Типичное мужское высказывание. Но чтобы я его когда-нибудь разочаровала? Исключено!»

Ольга Капабланка также оставила заметки о последнем турнире, в котором участвовал ее муж, – об Олимпиаде в Буэнос-Айресе в 1939г.:

«Это было наше последнее длительное путешествие перед Турниром наций, который проходил в Буэнос-Айресе. Мы покинули Париж в конце лета 1939г., и нашей первой остановкой по пути в Южную Америку была Италия. Италия очаровала нас обоих. Рим, как я его и представляла, – просто фантастический город. Скажу даже больше. Над старыми улочками, фонтанами, площадями и церквями витало какое-то ощущение *déjà vu*, что придавало городу нечто знакомое и родное. Как это ни странно, в Риме я чувствовала себя комфортнее, чем в Париже, который к тому времени знала довольно хорошо. Как обычно, мы остановились в одном из лучших отелей. К нам приходили некоторые чиновники. Следующий день был отведен на посещение Ватикана. В нашем посольстве для нас нашли прекрасного гида,

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

итальянского графа, который знал все о Риме и о Ватикане, куда он нас и повел в самом начале экскурсии.

Мне сложно описать свои впечатления от увиденного. Но хотелось бы упомянуть одно событие, которое настолько заинтриговало Капу, что он потом неоднократно вспоминал о нем. Где-то в середине экскурсии, когда мы находились под впечатлением от окружающего нас великолепия, наш гид внезапно сказал: «Госпожа Капабланка, кажется, знает Ватикан не хуже, чем я». Капа с удивлением посмотрел на меня. Я немного растерялась и попыталась объяснить: «Я очень много прочитала об этих чудесах, о картинах, об истории... кое-что до сих пор остается в памяти...» Наш очаровательный гид покачал головой и сказал: «У меня сложилось впечатление, что Вы знаете нечто большее». Капабланка ответил с некоторой резкостью: «Она здесь впервые в жизни!» Итальянский граф ему поклонился: «Должен признаться, в этом месте начинает играть воображение». Эту неловкость удалось свести на нет, но Капа все еще продолжал смотреть на меня вопрошающим взглядом. Он знал, что я склонна верить в реинкарнацию, и Ватикан играл здесь не последнюю роль. Я только рассмеялась, и мы перешли на другую тему.

Мы провели в Вечном городе еще несколько дней, стараясь впитать всю красоту многочисленных достопримечательностей, в том числе исторических площадей, оперных представлений на открытом воздухе и прогулок под луной в коляске, запряженной лошадьми. Затем прибыл наш корабль, и мы отправились по голубым просторам океана к месту нашего назначения. Последовало много приятных дней. Когда мы пересекали экватор, меня особенно поразила Пернамбуку, где царил атмосфера тропического уныния. Через несколько почти весенних деньков на корабле был организован торжественный ужин в знак завершения путешествия. Мы приплыли в Буэнос-Айрес. На пирсе нас встречала толпа друзей. Приятно было увидеть там Карменситу, жену нашего посла в Аргентине, Рамиро Эрнандес Портелу, одного из самых близких друзей Капы, и дуайена дипломатического корпуса в той части света.

На площади San Martín мы с Капой сняли прекрасно меблированные апартаменты, такие же современные, как в Нью-Йорке, только здесь нам полагалось еще несколько слуг и машина с личным водителем. Цветы мне присылали в таких количествах, что, как пошутил один друг, дом больше был похож на бюро похоронных услуг. Когда Капа не занимался шахматами, наш водитель отвозил нас на лошадиные скачки. Помню, как-то раз в них участвовал великолепный конь по прозвищу Капабланка. В результате какой-то странной прихоти Капа не стал делать на него ставку. Он только неловко

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

улыбался, когда все бросились его поздравлять: величественный конь грациозно пересек финишную линию.

«Нет, я не ставил на него», – обрывисто ответил Капа. «Может, она поставила». На самом деле у меня было немного денег для того, чтобы делать ставки, но я выиграла достаточно, чтобы заказать себе новую шляпу.

Такую приятную жизнь, конечно, омрачала нависшая тень трагедии, которую мы чувствовали с той самой сентябрьской ночи, когда в тишине раздался пушечный залп. Мы оба проснулись. Капа просто сказал: «Война объявлена. Война с Германией».

Сама эта идея вселяла ужас, но, по правде сказать, начало войны мало сказалось на бурной жизни Буэнос-Айреса. Однако оно было заметно на турнирах, хотя бы по тому факту, что представители разных стран больше не поздравляли друг друга, если принадлежали к разным политическим лагерям. Несмотря на это, игры проводились по плану. Однажды Капа как глава команды Кубы должен был играть с Алехиным. И Капа победил.

В тот день произошло одно забавное событие. Один из самых вбалмошных друзей Капы – доктор Куэренсио – пообещал вызвать Алехина на дуэль, если тот и впредь будет отказываться провести матч с тем, чтобы взять над Капабланкой реванш. Завязалась небольшая перепалка. Алехин оборвал всех на полуслове, убежал в мужской туалет и заперся там изнутри. Ничуть не обескураженный Куэренсио стал поджидать его снаружи. Мне рассказали, что Алехин провел в туалете около часа, пока друзья доктора Куэренсио не убедили его оставить свой пост. Только тогда Алехин осторожно вышел и скрылся из виду. Это событие еще долго вызывало улыбку в Буэнос-Айресе. Капа же только пожимал плечами. Затем в Буэнос-Айресе в самом крупном и в то время переполненном театре «Колон» состоялся международный турнир Great Tournament of Nations. Каждая из выигравших стран по очереди получала призы – большие серебряные кубки. Был только один специальный приз. Приз за самое большое количество набранных очков. Подсчеты продолжались до самого окончания церемонии, когда под гром аплодисментов со сцены объявили: «Первый и единственный в своем роде специальный приз вручается маэстро Хосе Раулю Капабланке». Раздался шквал аплодисментов, не утихавших несколько минут.

Элегантно одетый Капа с улыбкой на лице вышел на сцену, чтобы забрать свой приз, а я сидела в ложе кубинского посла и его жены Карменситы. Пока Капа возвращался к нашим местам, вся толпа провожала его взглядом. Как маленький мальчик, вне себя от счастья, он поставил бархатную коробочку с медалью прямо передо мной. Раздались аплодисменты. Я поднесла к груди его замечательный подарок. И в этот

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

момент все встали. На следующий день вызвали в Шахматную федерацию. Имя еще не выгравировали: «Какое имя выгравировать на медали? Весь мир видел, что Капабланка отдал ее Вам».

«Медаль выиграл он, поэтому и имя должно быть выгравировано его».

Эту медаль я до сих пор храню как зеницу ока.

Вскоре у нас была запланирована поездка на Кубу, где Капабланку пригласили сыграть в местном турнире. В последний вечер в Буэнос-Айресе мы разрывались между несколькими мероприятиями. Я присоединилась к Капе, чтобы попрощаться со всеми участниками шахматного турнира. Когда Капу и меня ненадолго разъединила толпа, несколько шахматистов подошли ко мне и спросили, почему Капа не уделяет шахматам больше внимания. Я пообещала им, что спрошу у него.

В тот вечер мы с Капой ужинали вдвоем в нашей уютной гостиной. У него было прекрасное настроение, и он даже выпил со мной шампанского. Только после этого я решилась задать вопрос: «Шахматистам интересно, почему ты не уделяешь шахматам больше внимания».

Вместо того чтобы оборвать меня на полуслове, чего мне и стоило ожидать, Капа с улыбкой спросил: «А тебе тоже интересно?»

Я утвердительно кивнула, после чего он медленно и четко сказал: «Потому что если бы я уделял шахматам больше внимания, другим бы вообще его не досталось».

Общая информация о шахматах и шахматистах: «Когда Капа говорил о Кубе, он иногда ностальгировал по этой красивой, жизнерадостной стране, в которой он провел детство. Он очень редко касался темы прошлых шахматных успехов. Как правило, он не говорил о них вообще. Он был очень гордым. Безусловно, утрата статуса лучшего шахматиста была для него ударом и заставляла страдать. Мы никогда не затрагивали эту тему. Капе, мягко выражаясь, действительно очень не нравился Алехин, но он никогда не критиковал его игру. Думаю, Капа так и не оставил надежды однажды выиграть еще один матч за звание чемпиона. Он называл Ласкера «старым львом», а об Эйве отзывался следующим образом: «безукоризненно, но мало фейерверка». Капа считал, что однажды чемпионом мира станет Ботвинник. «Он очень сильный, ему присуще упорство, которое так необходимо для того, чтобы достичь самой вершины». Мне кажется, больше всего ему нравился сэр Джордж Томас».

Во время Второй мировой войны Ольга спрашивала у мужа, кого он считает лучшими полководцами. «Капа отвечал: «Макартура, Паттона и Роммеля». Я говорила: «Но ведь Роммель немец, а мы сейчас воюем с Германией». Капа лишь пожимал плечами. «Это не изменяет того факта, что

он хороший полководец». Это типичное проявление честности Капы в суждениях о себе и других». Их брак продлился менее трех с половиной лет, до самой смерти Капы в Нью-Йорке в возрасте 53 лет: «Больница Маунт Синай, 8 марта 1942 г. Капа без сознания. Врачи сказали, что последняя надежда на запланированную операцию. Они предложили мне выйти на улицу и погулять. В случае необходимости меня обещали позвать. Я вышла на улицу и была как раз у входа в больницу. В нескольких шагах от угла здания. В сумрачном небе я увидела звезду и остановилась. Я не знала, который был час. На мгновение мне показалось, что звезда сверкнула особенно ярко. Но внезапно свет пропал. А мгла сгустилась. В небе воцарилась особенная тишина. Тишина на улице. Тишина в моем сердце. Я поняла, что Капа умер».

В заключение можно сказать, что одним из самых заветных желаний Ольги, которое так никогда и не исполнилось, было увидеть фильм о жизни Капабланки. В мае 1987 года в своем письме она написала: «Впервые за многие года я увидела актера, который мог бы сыграть Капабланку. Я имею в виду необыкновенный взгляд, как у Капы, когда он сосредотачивался на какой-нибудь проблеме. У Джереми Бретта, исполняющего роль Шерлока Холмса, такие же глубокие голубые глаза. Это меня потрясло. И так напомнило мне Капу!»

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

В письме содержится история, которую он слышал от Ольги Капабланка: «Капа участвовал в турнире в России в 1930-х годах. В нем принимали участие некоторые из сильнейших шахматистов мира], в том числе представители Советского Союза и иностранцы. Понаблюдать за игрой прибыл очень известный человек: Сталин. Диктатор подошел к Капабланке и спросил: «Как вам нравится мой турнир?» Капа ответил: «Это ужасно! Ваши игроки жульничают!»

Сталин: «Что вы имеете в виду?»

Капа: «Советские шахматисты быстро играют вничью друг с другом и идут отдыхать. А играя со мной, они упорно продолжают борьбу, чтобы вымотать меня». Нечестная борьба тут же прекратилась».

Корреспондент сообщает, что жалоба Капабланки товарищу Сталину упоминается в «А Chess Omnibus» (стр.212). Ольга Капабланка неоднократно говорила нам об этом событии в своих письменных и устных сообщениях, и ниже мы приводим текст ее письма от 26 июля 1989: «Я думаю, мало кто знает о том, что Сталин приходил посмотреть на игру Капабланки, спрятавшись за драпировкой. Это было в Москве в 1936 году. Капа как-то рассказывал мне об этом en passant, поэтому я не очень уверена в деталях и не могу сказать точно, кто сопровождал Сталина – кажется, это был Крыленко. Тем не менее, самое главное об этой встрече я хорошо помню. Капа сказал Сталину: «Советские шахматисты жульничают, специально проигрывая моему сопернику Ботвиннику, чтобы у него было больше очков в турнирной таблице».

Со слов Капы, Сталин отреагировал добродушно. Он улыбнулся и пообещал разрешить эту проблему. Что он и сделал. С этого момента нечестная игра прекратилась и Капабланка выиграл турнир. Эта победа была очень важной, так как Капабланка сумел доказать всему миру, что он снова в отличной форме. Когда Капа рассказывал мне об этом, он добавил: «Я же обещал тебе, что вновь стану лучшим шахматистом мира. Я сделал это для тебя».

Ниже приведена фотография Ольги Капабланка с Михаилом Ботвинником, которую она прислала нам в 1980-х г:

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

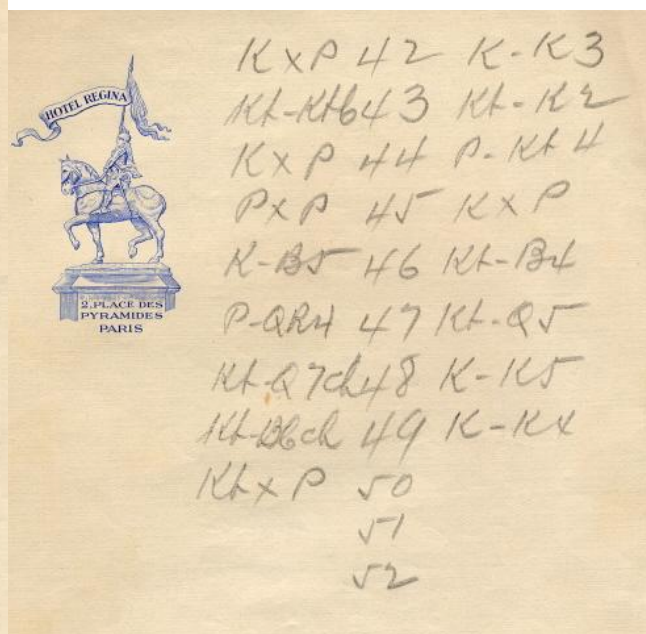
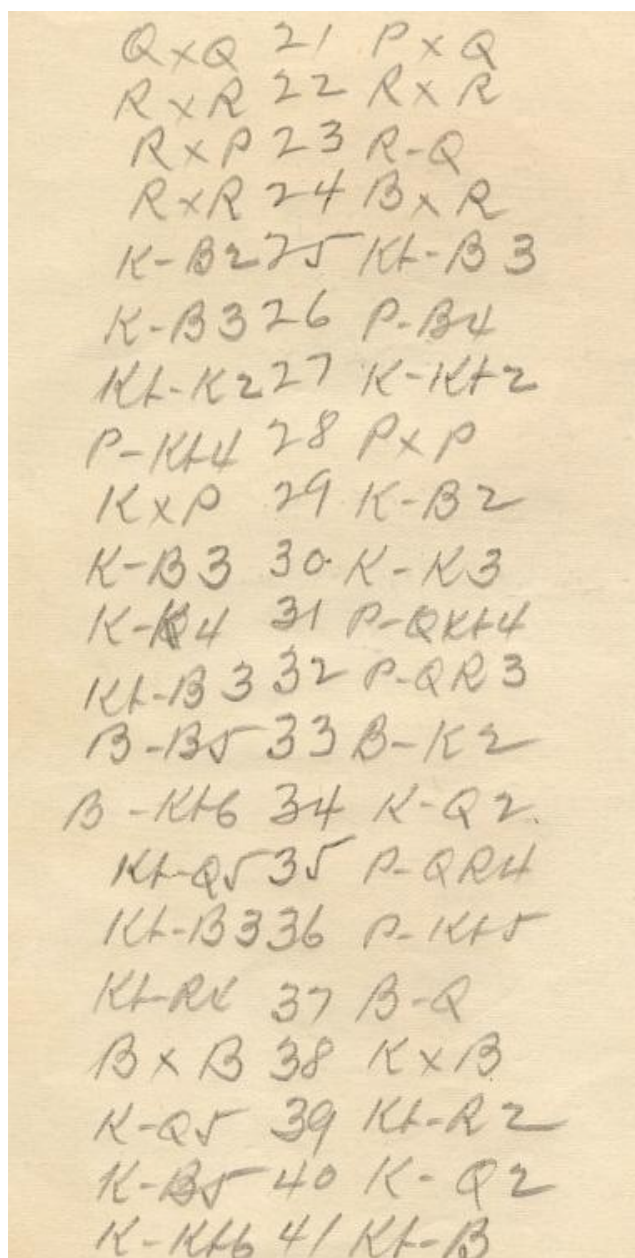
Memorial Capablanca 2015 en La Habana

P-Q4 1 Kt-KB3
P-QB4 2 P-QKt3
Kt-QB3 3 B-Kt2
P-B3 4 P-Q4
PxP 5 Kt x P
P-K4 6 Kt x Kt
P x Kt 7 P-K3
B-K3 8 Kt-Q2
B-QB4 9 B-Q3
Kt-K2 10 O-O
O-O 11 P-QB4
P-K5 12 P x QP
P x P 13 B-K2
P-B4 14 P-Kt3
Kt-Kt3 15 K-R
Q-Q3 16 R-Kt4
KR-Q 17 QR-B
QR-B 18 Kt-Kt
P-Q5 19 B x P
B x B 20 Q x B

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

Memorial Capablanca 2015 en La Habana

Хосе Рауль Капабланка – Савелий Тартаковер
Париж, около 1938 г.

Примечание: некоторые использованные в статье иллюстрации, а также любовное письмо Капабланки были предоставлены Ольгой Капабланка - Чагодаевой - Кларк.

Перевод с английского - Фомина Владимира